

Проблема социального консенсуса в работах Ю. Хабермаса

Социальные теории XX века характеризуются переходом от одной парадигмы развития общества к другой. Начавшаяся примерно в середине нашего века смена социальных парадигм — парадигмы, основанной на монизме, противостоянии и строгой системности взглядов и принципов, на другую, основанную на плюрализме, соглашении, сочетании разных точек зрения, признании маргинальности, на интерпретации разнообразного теоретико-практического наследия,— отнюдь не всегда сопровождается их наименованием. Переход этот приобретает все большую значимость не только в политике, но и в науке. В частности, идея консенсуса, находящаяся в зачаточном состоянии в герменевтических теориях, нашла отклик у представителей других ориентаций.

Сложные процессы в мировой политике и в экономике ставят новые вопросы перед социальными исследователями. Среди них заметное место занимает известный немецкий социальный философ Ю. Хабермас. Главное внимание Хабермас уделяет анализу процессов переходности и способам преодоления сопутствующих им конфликтов. Его концепция способна послужить методологической предпосылкой для продуктивного обсуждения сегодняшней ситуации постсоциалистических странах, где имеют место конфликтные ситуации, связанные с переходным периодом их развития, со столкновением различных интересов и сил.

Ведущей ценностью обществ, переживающих переходный период, особенно в ходе модернизации, т. е. движения от традиционного состояния к современному, является свобода — экономическая, политическая, идеологическая. В частности, именно эта ценность вдохновляет реформы в постсоциалистических странах. Однако конфликтность свободы, трудность жизни в условиях свободы здесь недостаточно осознаны. Главное социальное следствие наличия свободы в обществе — преследование всеми личных интересов, стремление к достижению личных целей, отстаивание личных убеждений, столкновение воли, т. е. острая конфликтность. В переходный период велика опасность потери представления об общих интересах, о национальных ценностях, об общественном благе, к которому следовало бы стремиться на основе свободы. Это не удивительно. Здесь повторяется ранний опыт западных стран, выверяются социально-политические теории их развития, но в других условиях, а потому с другими результатами.

Социальные и политические теории Нового времени радикально отличались от предшествующих тем, что вместо понятия «благо» мыслители Нового времени в качестве ключевого выделили понятие «свобода». Для Платона, Аристотеля, св. Августина основополагающей была концепция блага. Начиная с Н. Макиавелли

Розенбергс Р.— младший научный сотрудник Института философии РАН, собственный корреспондент газеты «Labrit» (Puga) в Москве.

происходит сдвиг в сторону исследования свободы, ибо именно она сама по себе воспринимается как главное благо и источник всех прочих благ¹. Однако такой подход, в определенной мере обеспечивающий прогресс свободы, к концу XX века все более сталкивается с вопросами о нетождественности свободы как таковой и общественного блага, о том, что свобода не всегда ответственно используется. Особенно ясно это стало для обществ переходного периода, где свобода с особой очевидностью отрывается от общественного блага, не является его гарантом.

Хабермас — один из немногих современных мыслителей, убежденных в возможности достижения рационального общественного согласия на основе гармоничного соединения свободы и общественного блага. Уже в «Теории коммуникативного действия» им отрефлектированы и проинтерпретированы почти все основные направления и идеи социальной мысли начиная с конца XIX века, относящиеся к проблеме общественного согласия². Цель этой рефлексии — представить и обосновать новую парадигму, которая перспективна для развития современного социального знания. В этой связи он выдвигает на первый план проблему достижения консенсуса на основе понимания. Ее решение начинается Хабермасом в теории коммуникативного действия, в которой он развивает принятую в герменевтике концепцию понимания как предпосылку общественного согласия (договора, консенсуса) и разрабатывает новый категориальный аппарат.

1. Труд и коммуникативная интеракция

Хабермас вводит понятия «труд» и «интеракция», раскрывает их взаимодействие и показывает значение в самовоспроизводстве человеческого общества. Продуктивный труд, по Хабермасу, заключается лишь в инструментальной активности, суть которой в определении соотношения цели и средств: является ли *A* пригодным средством для достижения моей цели *X* или нет? Лучше ли *A*, чем *B*, *C*, *D* или нет? Какие негативные последствия ожидаются в результате достижения моей цели? Однако не все разумные человеческие действия носят инструментальный характер. Помимо инструментального действия в деятельности людей чрезвычайно важны коммуникативные интеракции — взаимодействия, которые не столько ведут к поиску нужных средств для достижения поставленной цели *X*, сколько направлены на понимание между действующими субъектами. В этой ситуации партнер по коммуникации рассматривается не как средство достижения моей цели *X*, а как равноправный субъект, взаимодействуя с которым, я проверяю и рефлексую целесообразность средств и цели своего действия, вступая с ним в коммуникацию.

Сферы труда и интеракции различаются в идеальной модели Хабермаса как сфера блага и сфера негативной свободы (свободы от чего-то). Преследуя свои цели в труде, человек озабочен достижением блага. Стремясь же достичь понимания в коммуникационном взаимодействии, он свободен от этой заботы. Модель чистого коммуникативного действия — это «идеальная языковая ситуация». Язык, по Хабермасу, занимает центральное место, поскольку в качестве средства коммуникации он позволяет проверить правильность утверждений в ходе аргументации, поиска истины и достичь на этой основе понимания. Только рефлексия коммуникации, т. е. нахождение ее философских оснований, открывает истину, относительно содержания которой и может быть достигнуто понимание. Язык всегда является инструментом понимания между субъектами, однако реальное взаимодействие людей в обществе протекает нередко по-иному, чем оно описывается в идеальной языковой ситуации. Реальность социума неразрывно связана с фактором власти и с политической ситуацией, в которой процесс интеракции осуществляется в виде «безнасиельственного насилия». Хабермас на-

¹ См. Bluhm K. T. Theories of the political system. Oxford, 1984.

² Habermas J. Theorie des Kommunikative Handeln. Frankfurt/Main, 1981.

зывает это «разрушенной коммуникацией», которая есть по существу отказ От достижения коммуникационного согласия.

Философ признает науку одним из важнейших факторов, рационализирующих коммуникацию. В рамках научной теории осуществляется поиск основных закономерностей и определений, позволяющих выявлять причинно-следственные связи в обществе и осуществлять прогнозы. Очевидно, такая задача может быть поставлена для относительно стабильных обществ, в развитии которых наличествуют регулярности или даже закономерности, существуют и могут быть сформулированы интересы различных социальных групп, согласование которых способно приводить к консенсусу. Теория консенсуса Хабермаса имеет рациональный и, более того, сциентистский характер: в акте коммуникации открывается истина, которая и лежит в основе понимания. Тем самым коммуникационная теория, выполняя эпистемологические функции, выступает и как социальная модель общества. Согласие в обществе достижимо не только потому, что истина может быть найдена, но и потому, что при этом, по Хабермасу, предполагается реализация определенной модели общества западного типа, обеспечивающая некоторый нормальный ход и уровень жизни тем, кто согласен с его установлениями. Именно за это философ был подвергнут критике со стороны представителей постмодернизма, справедливо усмотревших в такой позиции известную ограниченность, отождествление Хабермасом современного общества с западным его вариантом. В частности, такая критика исходила от ведущих представителей Франкфуртской школы.

Хабермас исходит из посылки, что главная задача эмпирико-аналитических наук состоит в раскрытии основополагающего (конституирующего) интереса. Этот интерес связан либо с характеристиками и целями конкретных индивидов, либо с традицией. Само существование подобного интереса свидетельствует о стабильности общества, об отсутствии в нем болезненных процессов перехода из одного состояния в другое и сопутствующих этому конфликтов. Поэтому понимание закономерностей и является, соответственно, легитимированной целью эмпирико-аналитических наук во имя сохранения общественной стабильности. В отличие от этого историко-герменевтические науки заняты поиском смысла. Подобная задача возникает, когда конституирующий интерес не ясен, цели деятельности стоят под вопросом, ситуация не стабильна, конфликт возможен или уже существует.

Ученый, следующий парадигме эмпирико-аналитических наук, стремится к объективности знания, и потому он монологичен. Исследователь же, работающий в русле историко-герменевтической научной парадигмы, диалогичен, плюралогичен. Социальная переходность затрагивает его собственную личность. Понимая общество, он вместе с тем понимает самого себя и наоборот. «Интерпретация внешнего мира может считаться ясной настолько, насколько ясен для субъекта мир собственный. Субъект понимания представляет коммуникацию между двумя мирами, он схватывает вещественную форму традиции, использует ее для понимания самого себя и своей ситуации. Понимание смысла внешней реальности направлено на достижение возможного консенсуса в рамках традиционного процесса самопознания»³.

Оба вида познания конституирующего интереса — эмпирико-аналитическое и историко-герменевтическое — определены жизненной необходимостью и не являются произвольной целью научной деятельности. Человеческий род сохраняет свое существование в процессе общественного труда и самоутверждения (нередко с помощью насилия). Эти аспекты его жизнедеятельности исследуются инструментальным знанием эмпирико-аналитических наук. Но человеческий род сохраняет свое существование и посредством речевой коммуникации. Для этого применяются коммуникативные знания, которые являются результатом развития историко-герменевтических наук. Хабермас строит теорию консенсуса, показыва-

³ Habermas J. Technik und Wissenschaft als Ideologie. Frankfurt/Main, 1968, S. 158.

ющую, как овладеть коммуникативной этикой, этикой стремления к истине, категорические императивы которой формируются в языке.

Еще один аспект консенсуса: его целью является не постижение истины, а достижение взаимопонимания. Социальная деятельность — это в первую очередь деятельность субъектов, понимающих друг друга, и поэтому основную роль в социальных проблемах играет язык как особый инструмент и осуществляющийся на его основе речевой акт. Парадигма рациональной философии М. Вебера и Т. Парсонса в работах Хабермаса была заменена новой парадигмой философии языка, intersubjektivного понимания или коммуникации⁴. Индивид сперва должен уметь стать на точку зрения другого, принять ее. В филогенезе это впервые осуществляется с переходом от жестикюляции к символической интеракции. В жестикюляции, которая существует в животном мире, жест одной особи вызывает определенную реакцию у другой. В символическом взаимодействии, характерном для человека и его деятельности, осуществляется акт понимания внешнего воздействия, который направлен на достижение консенсуса. «При этом происходит концептуальное структурирование связей между участниками интеракции: оно протекает в коммуникативных ролях говорящего и слушающего как социальных объектов и различается в акте понимания от последовательно ориентированного действия»⁵.

Вместе с языком, по мнению Хабермаса, зарождаются ориентированные на взаимопонимание действия, и сам язык всегда предполагает возможность взаимосогласованных действий. В своих исследованиях он подчеркивает, что такие действия смогут реализоваться, если функционирует принцип согласования, что, в свою очередь, зависит от адекватного употребления речи. Следовательно, ориентированное на взаимопонимание употребление языка представляет из себя одно из важнейших проявлений социального общежития, его динамики.

Взгляды Хабермаса существенно отличаются от концепций других исследователей, пытающихся найти основы консенсуса, например от Э. Дюркгейма, для которого решающими в достижении общественной солидарности являются ритуальная практика, а не действия, ориентированные на согласование. Однако уже у Дюркгейма ключевую роль играют предварительные договоренности относительно сферы сакрального. При том, что с формированием религиозной картины мира, выраженной языковыми средствами, сакральное теряет значимость *per se*, свело магическую потаенную силу, которая обеспечивает интегративные (в социальном плане) и экспрессивные функции ритуальной практики. У Хабермаса же авторитарность сакрального зависит от совершенства консенсуса, которое, в свою очередь, определено степенью развернутости и эффективности коммуникативного действия. Консенсус предполагает рационализацию в ходе взаимодействия участников коммуникации их интерпретаций жизненного мира. Совместная жизнь требует даже от простейших систем взаимодействия, постоянного взаимного приспособления и совершенствования кооперации. Последняя может быть достигнута посредством либо строгой организации, которая гарантируется лишь при узурпировании власти отдельными личностями, либо вследствие учреждения общественного договора для урегулирования отношений между людьми. Этот договор может быть достигнут только при согласовании принципов индивидуальной свободы и общественного блага.

Ряд вопросов, возникающих в рамках коммуникативной этики Хабермаса, разъяснен в его последних работах, в частности в лекциях, прочитанных им в Москве в апреле 1989 года⁶. Коммуникативная теория уточняется здесь, в частности, посредством разграничения трех сфер: практики, этики и морали.

⁴ См. Habermas J. Theorie des Kommunikative Handeln. Frankfurt/Main, 1981, Bd. I, S. 523.

⁵ Ibid., Bd. II, S. 41.

⁶ См. Хабермас Ю. Демократия, разум, нравственность. М., 1992.

2. Практика, этика и мораль

В теории коммуникативного действия свобода и благо переплетены на каждом этапе. Первоначальное разделение труда как сферы интересов (блага) и интеракции как сферы свободы затем уступает место их диалектическому переплетению. Прагматически ориентированное действие нуждается в свободе, чтобы выбрать должные (хорошие) средства для достижения цели. Коммуникативное действие предполагает наличие представления о благе для достижения понимания. Понятие же «благо» не дано человеку, лишенному рациональности. Оно может быть сформировано и обосновано на пути как рационализации собственных ожиданий, так и с помощью рационализированной интерпретации социума.

Идею рационализации в области действий, ориентированных на согласование, Хабермас воспринял из веберовского анализа протестантской этики и ее связи со становлением капитализма. Однако в отличие от Вебера он интерпретирует процесс рационализации как результат коммуникативного, а не целерационального действия. Легитимация через действие может совершиться, исходя не из традиции, а из принципа свободного согласования, рационального консенсуса, а также из основного принципа коммуникативного действия — понимания. Сфера практики затрагивает ситуацию, когда человек преследует свои интересы, не ставя вопроса об основаниях собственной деятельности. Эта сфера достаточно полно описывается первоначальным неуточненным вариантом теории коммуникативного действия.

Завершение коммуникативного действия — сфера этических норм, утверждающих горизонт ценностных предпочтений человека. Здесь существенно важно не столько то, какие цели ему надлежит достичь, сколько, кем бы он хотел стать. Подобный вопрос возникает тогда, когда цели не ясны, представления о собственном благе утрачены и свобода не только не дает ориентиров деятельности, а, напротив, затрудняет поиск таковых.

Сфера морали охватывает те нормы, которые являются общими для всех людей. «К моральной точке зрения мы приближаемся, когда начинаем проверять наши максимы на совместимость с максимами других людей»⁷. «Могу ли я хотеть, чтобы каждый принял данную (мою.— *P. P.*) максиму как всеобщий закон»⁸. Свобода и благо здесь абсолютно и неразрывно связаны. С одной стороны, только я сам могу свободно выбрать идеал, образ своих ценностных предпочтений, того, кем бы я хотел стать. С другой стороны, «практический разум, который здесь направлен не только на возможное и целесообразное, но и на хорошее (*das Gute*), вступает тем самым, если следовать классическому словоупотреблению, в область этики»⁹.

Этика — это сфера взаимных обязанностей и прав. Здесь решается вопрос о ценностном выборе того, какой образ себя самого выбран человеком. Критически излагая и переосмысливая веберовские идеи, Хабермас интерпретирует развитие этического сознания от традиционной этики к этике убеждений и ответственности как возрастающую универсализацию и возрастающую рефлексивность основных принципов коммуникативного действия. В области морали человек осуществляет, по Хабермасу, превращение норм во всеобщие. Всеобщность норм может быть результатом понимания, но «моральные заповеди значимы вне зависимости от того, в силах или не в силах их адресат выполнить то, что считается правильным»¹⁰.

Введя и обосновав различия практической, этической и моральной сфер, Хабермас, по существу, открывает для нас теоретические пути для нахождения консенсуса и компромисса. Исходя из его концепции, можно сделать следующий

⁷ Хабермас Ю. Указ. соч., с. 11.

⁸ Там же, с. 12.

⁹ Там же, с. 7—8.

¹⁰ Там же, с. 23.

вывод: консенсус — полное согласие в точном смысле этого слова — невозможен. Он возможен только как деятельность на основе признанных всеми общих правил. Согласие относительно этих правил может быть полным. Консенсус может реализоваться в практической деятельности и приводить к достижению компромисса. Под компромиссом мы понимаем способность жертвовать частью собственных интересов ради максимизации общего блага. Подобная способность заложена как в сфере практического действия, так и в сфере коммуникаций. Однако она реализуется не в сфере этики и права, а в области морали — в установлении общего горизонта жизни не только для меня, но и для других.

В практической сфере преследование собственных интересов и целей каждым из людей основано на консенсусе — признании правила, в соответствии с которым каждый имеет право поступать аналогичным образом. Однако этого правила самого по себе недостаточно для того, чтобы устранить возможность конфликта, поскольку интересы людей сталкиваются. Чтобы избежать этого столкновения, приходится жертвовать частью интересов. Например, производитель, загрязняющий среду в процессе производства, понимая, что другие производители могут вносить свой «вклад» в ухудшение экологии, вынужден считаться с общим интересом сохранить чистоту окружающей среды, поскольку в конечном итоге он сам тоже в ней нуждается. Даже если бы его производство было единственным источником загрязнения, он не мог бы позволить себе загрязнить ее настолько, чтобы жить в ней стало невозможно. Поэтому он обязан пожертвовать частью своих интересов, касающихся прибыли, ради экологических интересов. Это — уже компромисс.

Если в сфере этики человек стремится быть бескомпромиссным, т. е. строить образ должного на основе идеала, своих представлений о себе самом, то в сфере морали (где нормы общие) он склонен к консенсусу и к компромиссу так же, как в практической сфере. Способность воли к спонтанному действию (свободе) ограничена стремлением индивида реализовать себя, не закрывая возможности такой реализации для других, а в случае возникновения столкновений интересов и целей (конфликтных ситуаций) не дать им возможности перерасти в разрушительные и в конечном итоге губительные для общества конфликты.

Таким образом, теория консенсуса Хабермаса вводит новые толкования понятия консенсуса, компромисса и т. д., создает поле их дальнейшей теоретической разработки. Хотя она не является универсальной и приемлемой в России в чистом виде, но многие ее положения и принципы весьма эвристичны для объяснения проблем сегодняшнего переходного этапа развития, для обоснования конкретных путей и механизмов смягчения конфликтности российского общества.